

Егор Ласкер

КИШКОДАВКА

Выгляни в окошко, там подошла кошка...

**очаровательный
рассказ**

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Егор Ласкер

Кишкодавка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63063851

SelfPub; 2021

Аннотация

"Вялый фашизм" – так определяет жизнь и работу на рыбозаводе рыбообработчик Иоганн Петров. На заводе он знакомится не только с полуармейскими-полутюремными законами общежития, но и со многими людьми. Если завод и страна – это кишкодавка, то люди – кишкодавцы. Те, кто охотно подставляет свои кишки всякому сановному, полусановному и четвертьсановному барину нового мира, и тот тянет и крутит их так, как ему на душу ляжет. Труд работа – это труд раба. И рабочий и работодатель превращаются в скота, каждый по своему. Даже, если это происходит на берегах прекрасного моря. Или океана. Или в любой точке страны. Мира...

Содержит нецензурную брань.

Егор Ласкер

Кишкодавка

18+

Инвектива

Кишкодавка. И кишкодавцы

Совпадения с действительностью – действительны. Совпадения имен – случайны, ибо ряд имен ограничен. Совпадения слов с матами и обценной лексикой непреднамеренны и объективны, ибо таков объект.

Район действия не указан по известной схеме: чтобы не обиделись другие районы. Географические, административные и производственные названия сумбурны и просто красивые.

Десять Заповедей Рыбообработчика

Рыбообработчик не болеет.

Рыбообработчик кашляет, задыхается, пердит или синееет, но идет на работу и на поправку.

Рыбообработчику все по херу, кроме рыбообработки.

Когда рыбообработчик не рыбообрабатывает рыбу, он спит, всхрапывая.

Когда рыбы нет, рыбообработчик тоскует, придирчиво замывается и пенится.

Рыбообработчик переносит понос стоя.

Рыбообработчик цепок.

У рыбообработчика не болят руки, они сладко ноют.

Рыбообработчику необходим мозг. Он им пользуется, чтобы отличить на конвейере белобрюхую камбалу от камбалы палтусовой, желтобрюхой, желтоперой, каменной и сахалинки.

.....
Итого:

Рыбообработчик обрабатывает не рыбу, а неизвестных московских хозяев, поставленных ануннаками для того, чтобы хозяева могли холить и лелеять себя и ещё больше – прячущихся от мирового сообщества ануннаков, отдавая им все человеческое.

Тот, кто благосклонно или смиренно принимает оглашённые выше Заповеди для оглашенных катехуменов рыбообработки – суть рабочий скот; душа его мала, меньше, чем у воробья.

...

Из дверей модуля вышел главный охранник Долгопятов с отчетливыми следами заспанности на лице, хотя и не спал. Поглядел в небо так, как будто хотел поссать с крыльца. Плюнул. Рысканул соловыми пытливыми глазами по сторонам и зашагал без цели вперед, широко разбрасывая ноги, надувая губы и мотая плечами, как сильными обвисшими крыльями. Крылья залетали за спину, к пояснице.

Долгопятов машинально и произвольно осматривал

пространство перед собой, заводя глаза в закоулки заводского двора. Он отличался пронзительностью и пронизательностью. Охотно демонстрировал их, приводя в трепет сильных одиноких и слабых семейных женщин.

Подобно тени отца Гамлета, старший охранник возникал повсеместно черной нелетающей птицей, взметаясь вдруг из-за какого-нибудь угла. И сразу упирался взглядом. Во всё подряд.

Все было в нем хорошо; безусловно, не хватало лишь сплошных железных зубов. И тогда бы – ни добавить, ни убавить.

Был он добр и не злопамятен. А на вид суров, как армейский прапорщик, вынужденно демонстрирующий brutальность, как порноартист большие яйца или хотя бы что-нибудь большое.

Вахтовиков, прибывших на работу с Большой Земли, Долгопятов лично подвергал обыску. Глубоко запуская руки в сумки, шаря у самого дна, искал водку. Шевеля невидимо пальцами, то заводил глаза под лоб, не поднимая бровей, то бросал горячие мутные взгляды в толпу, осматривая замершие тела. Шарил взором по лицам в поисках сконфуженного встречного взгляда, выдающего некий недочет и непорядок в его владельце. Смущенный вахтовик мог дрогнуть в эту секунду и уронить из-под рубахи спрятанную бутылку. На ноги или на пол.

Долгопятов был назидателен и увещевал всех, способных

оступиться:

– Мужики! Пажал-ста! Пажал-ста без пьянства. Это плохо кончится. Не смейтесь!

Никто и не думал смеяться. Слушали молча. С тяжелой неловкостью. С неопределенным интересом.

Долгопятов вторил сам себе, напирая на серьезность происходящего, упорно запрещая веселье и легкомыслие:

– Не смейтесь! – (По-прежнему никто не смеялся). – Я уже 20 человек вывел за ворота. Навсегда.

Последнее утверждение звучало зловеще. Навсегда – конечная категория. За ней – забвение и тлен. К чему бы это?

– Пажал-ста!..

...

Мужики с тревогой и тоской осматривали комнату, в которой предстояло жить на карантине. Она казалась маленькой, спертой, забитой железными кроватями и железными шкафами до предела. Шагу ступить негде, не то что – жить две недели!

Дверь захлопнулась резко. Точно прибывших заключили в камеру следственного изолятора. Неужели сидеть без выхода?

А где параша?..

Рыбообработчики угрюмо молчали. В смятении говорили бесполезное безадресное: «Сука!». Надеялись на то, что все же их трудовой путь начнется, минуя карантин. Сразу – в цех! За большими деньгами.

Когда дверь открыли и выпустили в коридор и далее – на улицу в пределах курилки, люди вздохнули исподтишка и несколько успокоились. Стали приглядываться друг к другу. Смертный грех стал отступать: уныние развеивалось.

Когда же прошел слух, что карантин оплатят по «гарантийке», принялись прикидывать, изнывая от безделья и беспечности происходящего, сколько же это будет в рублях? В дальнейшем оказалось – нисколько. Возмущению бухгалтера в ответ на претензии не было предела: «Да вас кормили бесплатно!..»

И верно. Жрали еду? Жрали. Скромно ли это – ждать чего-либо еще.

Карантин был так нелеп, как может быть он нелеп в условиях, когда он никому не нужен. Кроме высших сфер управления, которым он тоже не нужен, но что-то им все же нужно. Нужны мероприятия и провозглашенные шаги. Пусть будет карантин!

Карантин добавился к обычным лишениям и невзгодам вахтовой жизни обсопливленной слабозудящей язвой под носом. Не особо едким, но липучим лишаем или коростой. Он мешал. Жить с ним можно, но не хочется. Люди, не видя больных, корчащихся от близости смерти в черных бубонах по белому телу, задыхающихся от атипичного состояния и дисфункции остекленевших легких, не слыша о них от родных и знакомых – прозревали. Видели, что вся эпидемия – большой вонючий пузырь пропаганды, гонимый ветрами

каверзных желаний интересантов всё из тех же гнилых высших сфер. И тихо негодовали. Не все. Лишь едкое меньшинство. Большинство пребывало в покорности. Фаталисты ходили туда и сюда, сдержанно принимая вынужденный простой и радостно – пищу. Играли в карты. Кто-то беспечно отдыхал. Спал и даже храпел во сне, переутомившись и пресытившись бытом.

Беспечность эта одному из соискателей работы вышла боком.

Откарантинившись, протомившись в бесплодности 10 дней, рыбообработчики, суетясь больше необходимого, вышли на работу в ночную смену, не заметив потери бойца.

Кого? Где?

Кого надо. У него теперь наметилась своя, отдельная судьба, невидимая другим.

Еще при тестировании дернулся по коридору слух, что кого-то поймали с ковидом. Дернулся и затих. Не пошел в ширину. Его подавили отвлекающими маневрами и отуманивающими фразами хитрый и значительный санитарный врач и монументальная, текучая, как ртуть, пластичная, но неподатливая медсестра со светлым удовлетворенным лицом. Они не запаниковали, а, напротив, придали дальнейшему тестированию вид бессенсационной будничности. Нацелили внимание каждого на собственные результаты. Замылили глаза фразами типа: «Не шныряйте!» и «Не болтайте!». Неплохо отвлекал как бы формальный вопрос: «Как ваша

фамилия?.. Через «о»?». Вопрос обескураживал и заставлял напрягать память, вытесняя из неё все постороннее.

В результате тестируемые были сбиты с кривой дорожки паники и слухов. Тревога улеглась, не охватив. До того ли! У всех глаза уже беспокойно и отстраненно смотрели в будущее. Нужно было с отрицательными результатами проб на ковид, с одеялами и личными вещами бежать на распределение по бригадам. И убежали. Только пыль под кроватями осталась.

Человека с положительным тестом, тайно, совместив еще с одним таким же, привезенным откуда-то с другого карантина, отправили неведомо куда и заперли в глухой комнате далекой от троп, по которым ходили рыбообработчики и вольные люди.

Двое несчастных, вдруг до пронзительности ощутили себя изгоями, виноватыми без вины. Снабженные китайской лапшой и ничем более (охрана, проявляя милость, иногда бросала им пачечки майонеза) они ждали нового результата тестирования – по вторичному и третичному заборам крови из их тел для глубоких исследований в лаборатории.

В период ожидания лабораторного ответа, санитарный врач завода вкрадчиво вел с безнадежно больными щекотливые сепаратные переговоры. Уговорами отделял их частное несчастное прошлое от общего перспективного и светлого заводского завтра, которое не стоило портить. Он легко и радостно находил в нём и больным место тоже. При опре-

деленных обстоятельствах! Им нужно было лишь сделать решающий выбор. Между правдивым и правильным. И тогда счастье не минет! (Ударение на первую гласную! не путать с фр. *minette*; «ласковая кошечка» хоть и приятна сама по себе, но в данной ситуации не уместна, тем более в этом случае отрицательная частица «не» ставит два не противоречащих одно другому слова в неоправданную оппозицию).

Врач улещал. Обещал. Поглаживал по спинам рукой в резиновой перчатке, выдыхая через маску:

– Оплатим и этот карантин. И тот – общий. Все у вас будет. Заживете, как никогда. В довольстве и славе. А пока скажите лишь, что сидели в палатах изолированно. По два человека. Вы двое – как раз вместе. Никого не видели. Кормили вас через дверь. Засовывали вам всё в щель.

Больные, чувствуя, что им продолжают засовывать в щель, смущенно мялись. Маялись. Большие посулы никак не могли перевесить маленькую правду, заставить сменить ее на безвредную непринципиальную ложь. На пустячок.

Упёрся пустячок, раскорячился.

– Ну? – Не понимал врач непонимающих своего счастья и материальной выгоды ковидников. – Чего вы? Ведь больше никто не заболел. Какая разница – в щель вам совали или не в щель? Что вы теряете? Лично – вы?.. Вот вас там спросят: как было дело? А вы возьми да и скажи: а так и было. Как положено. Сидели изолированные. Не общались. Все в масках. Лиц ничьих не помним. Ничего другого не знаем. Кон-

тактов не было. Никаких. И всё! Ну?..

Страшно было думать, что где-то – Там – спросят. Перекрестно. Что начнут испытывать их веру в карантин...

И кто знает, что они – Там – еще придумают? Что сделают с ними? Лучше уж... Лучше следовать советам знающего человека. Не путаться.

Продавать совесть стыдно. А вот уступить из страха... как-то полегче.

С другой стороны...

Врач, видя, что нерешительные ковидники, если им не помочь, так и будут сидеть мычать, хлопнул по столу большой ладонью и строго сказал:

– Ну, вот и хорошо. Договорились. Молодцы. – И проник в души их: – Это всем нужно и важно. А то возьмут да потянут людей с завода. На проверку. Вам за это никто спасибо не скажет.

Хотел еще добавить, что и им, ответственным работникам завода, жигало на радость тем же врагам (допустим – королеве Елизавете) вставят, но смолчал, сообразив, что этот довод второстепенен и для рыбообработчиков не весом. Их это жигало не касается. И даже радуется в силу межклассового антагонизма. Другое дело – невинные товарищи.

И они пошли на святое дело – товарищей выручать! В нужный момент, в нужном месте, тем, кому нужно, сознались, что сидели строго по двое. В масках. Никого не видели. Ничего не помнят. Ели и спали. О плохом не думали, и

вот оно!

Пришедший через десять дней результат второго теста с кровью оказался отрицательным. Третьего – тоже.

Один из охранников, готовясь сдать пост и идти спать, сказал без всякой надобности, соблазнительно зевая:

– Специально, поди, градусники понатерли, чтоб не работать.

И открыл дверь пошире. Хватит кормить тунейдцев через щель.

Симулянтов отправили на Маложопинский завод. Обещанных денег не заплатили. Санитарный врач перестал их узнавать. Избегал. Или просто не здоровался.

Да, собственно... Ну, сказал бы он им «здравствуйте»? И что? Что толку – здоровым желать здоровья? Пусть себе идут – трудятся. Для того и ехали на край света.

Маложопинский завод встретил отщепенцев тяжелым ручным трудом. Из автоматизации лишь – точило и еще что-то железное, отключенное в прошлом году.

...

Вдоль реки, омывающей тундру и морскую косу одновременно – по разным своим берегам – стояли разномастные рыбные заводы и артели. Мнооого их там стояло и стоит!.. С незапамятных времен и доньне. И при коммунистах. И до них тоже здесь рыбу ловили. Может, еще дикие племена неизвестной национальности.

Коммунисты давали план и старались. Но мало. После них

стали процеживать реку и прибрежную акваторию моря с особым тщанием, ибо пошёл счет на личные рубли и наличные доллары.

Говорили, что когда-то здесь была тюрьма или монастырь, при котором попы промышляли, вторя столпам веры – рыболовам, тому же Андрею. И потому реку называли Поповка, а заводы Малопопский, Среднепопский и Маложопинский. То есть, конечно же, Малопопский. Но недоброжелатели с Материка, на котором их прижала жизнь (или просто нечего было жрать, и они завербовались для работы на заводы дальневосточья), злые и ленивые насмешники, вместо того чтобы благоговеть, взяли и запустили неблаговидное поименование. Естественно, оно не было отражено топографически. Да и было ли все так с топонимической точки зрения? Так ли складывались громкие звуки? Едва ли! Враньё. Никаких попов в прошлом, видать, здесь не было. Станут попы ловить рыбу!.. И заводы назывались как-то иначе. А просто из вредности так их повеличали всякие либерально-большевистские брызжущие собственным ядом гады, которым всё и всегда не нравится.

Ни на одной карте вы не найдете Большежопинска, и лишь посетив те места, можете прийти к такому словообразованию самостоятельно. А как еще назвать эту точку скопления вольных и невольных рыбообработчиков и примыкающего к ним исчезающего населения разрушенных поселков, прячущихся от грозных холодных штормов за баррикадами из бе-

тонных обломков зданий Домов культуры и за живописными нагромождениями колоритно-ржавых погибших от времени кораблей?

Охватив честным оком могучую жизнь и суровое пространство, вы поймете это. Сами собой губы сойдутся в слово. Они слепят его, и оно слетит с них. И поднимется к белым чайкам, непрерывно орущим и гадящим на все подряд. А как им не гадить, если они целыми днями жрут? Огромными пятнами, как тополиный пух – лужи, украшают они море в месте сброса «обмывков» завода, полных сочными остатками рыбьих кишок.

Сами кишки и рыбная мелочь (при перегрузке их опять-таки воруют чайки с последующим гадким результатом!) поступают на туковый завод. Рыбью муку охотно (как и все прочее в РФ!) скупают китайцы. Озолачивают владельцев завода невероятными суммами, как утверждают знатоки. Суммы эти перекрывают все расходы по содержанию завода! Вот они кишки-то!.. Но эти тонкости известны лишь угрюмым знатокам. Прочие не задумываются о доходах хозяев, размышляя и тревожась лишь о собственных заработках. Хотя и понимают!.. Понимают, кто тут чье мясо съел.

Так вот. Слово Большежопинск с ваших губ слетит произвольно в ходе личного опыта соприкосновения с прекрасными местами, с эстетикой социального и инфраструктурного запустения и разорения. Но и вам не дадут править карту! Как не давали другим зорким и чутким. Карты должны быть

красивыми. Большежопинским на них не место. Иначе стыдно будет российским картографам, географам и иным ученым перед зарубежными коллегами. Конфуз невыносимый.

А и зарубежом, кстати, не везде и не всё гладко! Ох, не всё!..

И об этом сказано у нас на Родине с потрясающей прямо-той немало.

...

Их глаза встретились на кишкодавке. Его глаза горели новым делом выдавливания кишок из минтая. Ее были равнодушны к сизым и синеватым цветным пузырям, лезшим под напором сильных пальцев из вспоротых, обезглавленных рыб.

Радужный мост, переброшенный от его сердца к её и обратно – был иллюзорен и бесполезен. Где могли встретиться они интимно, чтобы он мог запечатлеть поцелуй на её больших чуть вывернутых влекущих губах – своими, обычными? К тому же она благосклонна была лишь к статусным мужчинам – от ножиста (от слова «нож»), красовавшегося на покете (верхней площадке линии) и – выше.

Губы ее были полновесны и влекущи. Как у Лары Крофт. Правда, под напором обстоятельств, напоминали хлопающие выпуклые губы рыбы из мультфильма, где она пронзительно кричит в песне, пуская пузыри: «...Оставайся мальчик с нами, будешь нашим королем!..» Мальчишков пухлость всегда привлекала.

Ножистов можно было переплюнуть интеллектом и желтой зеленью глаз, но... где? Где реализовать свое преимущество рядовому рыбообработчику?

Целоваться, осязая мыльную пену на губах, можно было только в душе (ударение на «у»). Ночью. Но ночи на заводе не было. Не было и перегородок и кабин в «санитарном блоке». Ни в мужском, ни в женском. Каждый здесь демонстрировал перед товарищами по цеху всё, что имел.

Цех работал круглосуточно. И круглосуточно мылись все подряд. Еще и с «мэрээсок» (МРС – Малый Рыболовный Сейнер) бессистемно заходили помыться все как один приземистые, плотные, налитые, наполненные солеными ветрами морей рыбаки. Им необходимо было смыть недельный налет морских брызг, встав под обильно льющуюся пресную воду.

Комнаты общежития всегда набиты жильцами и гостями, приходившими одолжить кофе, обменяться скаченными еще на Большой Земле фильмами или спрятаться от уборки в своей комнате. Надышать в спёртом помещении и уйти...

Цех – и вовсе не вариант. Круглосуточно здесь обезглавливали и кишкодавили рыб. Ели, мылись и спали попеременно, не зная ни времени года, ни времени суток.

Оставались укромные места на территории завода. Но не каждый мог, движимый похотью и любовью, совокупляться в них беззастенчиво, рискуя быть обнаруженным охраной или насмешливыми товарищами по работе. Не столь уж они были укромны.

Сказывалась еще и эстетическая сторона процесса. Первоначальные встречи, знакомства, проходили в зонах потрошения рыб, их особого навязчивого запаха. Но!.. Запах кишок, память об их цветных пленочках на гладких девичьих щеках отпугивали от женщин лишь слабонервных испитых эстетов. Другое дело – общая технологическая отсталость и отсутствие автоматизации производственных процессов. Они вызывали физическое переутомление рыбообработчиков и препятствовали любви.

Никому из руководства до этого не было дела. Секс среди рыбообработчиков не входил в планы администрации. Она этому не способствовала. И как знать, не лила ли тайно бром в компот и подозрительно жидкий и однородный молочно-розоватый кисель из какого-нибудь ароматизированного (конечно же, китайского) порошка!

В армии, по опыту Иоганна Петрова, легкомысленно занявшегося рыбообработкой на Большежопинском заводе, бром не помогал. А здесь в сочетании с изматывающим, непрерывным трудом давал хорошие результаты. Стоны, если и неслись по закуткам завода, то болезненного, несексуального характера. Ломило, сводя, руки и ноги. Стягивало плечи и загибало шеи...

О, глупцы, не читающие и не чтящие Питирима Сорокина! Не ведающие, что творящие! А ведь подавление полового инстинкта он называл одной из главных причин возникновения революционной ситуации. Никакие там – «верхи не

могут, а низы не хотят!»... Отнюдь. Все могут и хотят. Но им не дают. Тут-то и начинается!..

Питирим был не дурак, а наоборот – социолог. Причем, выдающийся. Это вам любой скажет.

Ох, доподавляетесь!

Отзовется вам бааальной болью ваше равнодушие и нечуткость. Кольнет и заломит резче простатита.

...

Кишкодавка, при полном отсутствии досужих разговоров все же гудела от общего движения. От натужного скрипа перегруженных лент конвейера и ветра, поднимаемого мастером смены, стремительно мчащимся вдоль согбенных спин работников, прилепленных к конвейеру тяжелой жизнью.

Прохладный цех был полон весенним гулом. Звоном холодной воды. Свежей сыростью. Запахами талых мартовских, обтекающих по проталинам снегов, приносимых от холодильников ветром, поднимаемым все тем же стремительно мчащимся мастером смены. Все это – вперемешку с головокружительным обволакивающим духом не успевшего стухнуть филе белорыбицы.

Жать на тушки нужно было сильно и проворно. От неумелости ломило пальцы у новичков. У наторевших рыбообработчиков от чувства ловкости рук, проворности гибких тел и легкого поверхностного дыхания, загонявшего в кровь избыточный кислород, рождалось эйфорическое желание стремительного натиска. Самые лихие в азарте давили не толь-

ко кишки, но и, с трудом, собственные порывы рвать кишки зубами. Метать их в стороны, тряся головой, как кошка. Это все равно, как скакать под гору по камням: несёт быстрее и быстрее. До перелома ноги.

А ведь метать кишки в сторону нет никакой необходимости. У кишок есть своё место. Их нужно выстреливать в специальный жёлоб и только. Кишки из желоба медленно, точно радужные крахмальные комья, смывает непрерывно бегущей водой в трубы, проводящие и извергающие отходы на нижний конвейер, несущий слизистые ручьи к специальному бункеру-накопителю.

Иогановы зеленые глаза были пристальны, зорки в работе. Они, не рыская, выхватывали отдельных безжизненных рыб в потоке прочих. Глазам вторили руки.

Ее глаза – огромные, фарфоровые, голубые навывкат, как любил граф Толстой, обладавший противоположной лепкой глубоких глазниц, – не мигали, остановившись. Не тревожились и оставались равнодушны. И в миг удачной хватки, и в тот миг, когда вырвавшаяся из брюшек масса брызгала на щеки девушки и окружающих ее рыбообработчиков, оседая мутными капельками, повисавшими студенисто. Глаза были невинно тихи и бестрепетны даже в моменты железного грома, лязгом оглашавшего пространство цеха, от пола до потолка, ажурно изукрашенного монтажными балками и трубами системы вентиляции, инженерными сооружениями и прекрасными лампами медицинского немецкого света, об-

манывавшего человеческий мозг иллюзией не проходящего дня.

Гром и разрозненные крики прилетали от «пеньков». «Пеньками» называли рыбообработчиков, занятых на «выбивке». Они поднимали в воздух металлические противни с замороженной рыбой, и с грохотом обрушивали их на пни, точнее – чурки деревьев различных пород. Рыба вылетала брикетом и поступала на упаковку.

Едва ли японские рыбообработчики могут похвастать подобной хваткой и навыками в деле выбивки! Во-первых в Японии мало лесов, а следовательно и пеньков, а, во-вторых... Да хватит и «во-первых» для того, чтобы поискать иные технологии брикетирования! Не громыхать и не восклицать. То матом, то просто молодецки.

Если кто-то заорет вдруг сейчас, что, мол, и у японцев то же самое, сторонникам технологического прогресса остается только в пол плюнуть. Если и в самом деле – так же, то... и японцы – черти крашенные. Если хоть один культурный японец содит противнем о пень, а остальные молчат и не пеняют ему, называя отсталым пнем, то и все они ни хрена не стоят в мире будущего и настоящего. И нечего тогда кичиться урбанизацией и техногенностью процессов своей японской жизни.

Иоганн надеялся на японцев и не верил, что они не изжили пережитки ручного механистического бездушного труда. По его понятиям такой труд, минуя обезьяну, превращал че-

ловека в ишака.

– Превращают в животных! – Не выдержал как-то сдержанный Валентин, бывший дирижер военного оркестра, превосходящий по импозантности Р. Паулса (хотя, куда уж импозантней? а вот...). Был он обычно сдержан и весь его скрытый темперамент проявлялся лишь тогда, когда он пронёсился вдоль конвейера от конца его к началу с ведром необработанной горбуши. С такой стремительностью и с такой осанкой (откинув ведро в сторону и заведя остро плечо вперед), с таким отбросом гордой головы, точно тореадор – на расправу с взбесившимся быком. С обломком шпаги, но с благородным сердцем. Возможно, голову приходилось отбрасывать и в противовес увесистому ведру.

– Нет! – Не согласился с ним Иоганн, не давая шансов своим товарищам по цеху, не позволяя им встать вровень с вольными животными. – В рабочий скот!

И кто оспорит? Кто скажет, что человек, неотрывно выполняющий одни и те же движения в течение восьми часов, с перерывом на тридцатиминутный чай не так же скотоподобен, как осел, от темна до темна вращающий жёрнов? В одну сторону. В 21 веке!

Мрачная юдоль слез, рубеж долины Иосафата со страхами её, безумство воительное Гога и Магога – вот что есть путь сей. Или под вид того. Сплошная несуразность.

...

– Сереженька! – Говорит один Серега (прозванный Ку-

лунда) – другому, лежащему под ним на двухъярусной железной кровати с плоской сеткой. – Никому здесь автоматика не нужна. Это дорого!

– Точно! – Поддерживает Иоганн. – Зачем делать роботизированные линии, когда можно сделать роботов из людей? И не только здесь. Со времен первых колхозов.

Кулунда молчит. В общем-то, так оно и есть.

Иоганн не унимается:

– Ни один трактор голодным и оборванным работать не будет, а колхозник работал! При этом еще и с личного подворья «план» государству сдавал: молоко, мясо, шерсть, свиные шкуры. А до колхозов? А? «Но вдруг я стоны услышал, и взгляд мой на берег упал?..» Каково?

«Бурлаки на Волге», печальная картина российской действительности, как известно, не в воспаленном мозгу заграничного либерала или местного хулителя Великой Российской Империи родилась, а в ясной голове действительного члена Императорской Академии художеств – Ильи Ефимовича Репина. Под его чуткой кистью восстал образ угнетения и истребления человеческого в человеке, мечтавшем под ярмом об одном: «...Когда бы зажило плечо, тянул бы лямку, как медведь...»

Хрен вам медведь будет лямку тянуть день и ночь!.. Ну, может в цирке минут десять – ради аплодисментов. И только. Запряги его по-настоящему – сдохнет.

На Большежопинском заводе за двести лет послебурлац-

кого периода мало что переменялось. Всё та же процессия проклятых тащится по песку жизни. С утра одна мысль: «Ах, не болело бы плечо!..»

Но рыбообработчик, как известно из Заповеди, не болеет! Он адаптируется. Плечи в расчет не принимаются. В этом есть своя правда жизни. В конце концов, все приехали работать, а не болеть и нечего пенять! Рыбообработчик это понимает. Если даже у него раздуло яйцо от орхита вследствие атаки специфической или неспецифической микрофлоры поддержанной гриппом или банальным ОРВИ, и ему грозит бесплодие, уменьшение яичка, его гнойное расплавление или воспаление придатка (эпидидимит), как у Феди, он не садится на бюллетень. А встает к конвейеру.

У кого-то гипс на пальцах, а у кого-то раздуло яйцо: что ж теперь – не работать? Сами рыбообработчики избегают официальной медицинской помощи, связанной с «энкой» (нерабочей сменой) и материальной поддержкой больного при «энке» в размере 1 доллар 33 центов в день. Рабочему хочется большего. Он неумерен. Он прёт на трудовой подвиг, потому что его распирает жажда наживы. Тем более, хирург, к которому его привезли «с аппендицитом», легко распознав орхит, ставит один укол и отправляет Джо Раздутые Яйца во-свосяси на завод. А на другой день, когда пресловутому Джо совсем плошает, он покрывается липким потом, и бледность проступает на его изможденном челе, далекий хирург успокаивает медсестру (а через нее – Джо, донимающего завод-

ского медработника своим нитьем). Он говорит в трубку, что «ничего страшного», можно жить дальше и с таким яйцом. Разрешает жить.

К вечеру Джо все же увозит «каreta скорой помощи» в виде уазика-таблетки. И он успешно адаптируется к жизни в больнице Большежопинска, получая кашу и уколы антибиотика каждые три часа.

И как судить медицину, когда сам рыбообработчик рвется на работу, с негодованием отметая предложение полежать и поколоться еще недельку? И без того он лечится уже две! Каждый день огребая по 1 доллару 33 цента. Эта мысль будоражит его и выталкивает резко похудевшее тело вон из больницы. Ведь домой нужно приехать с деньгами, а не с яйцами. Яйца – это уже дело второе. Кому они, собственно, нужны на Большой Земле в отсутствие материального достатка?

Эта история получила свое ментальное продолжение и сопровождалась беглым раздором в комнате. Но не в тот миг, когда Кулунда осудил руководство не только Большежопинского завода, но и Среднежопинского, и Маложопинского и всех прочих по земле русской и – всех отсталых за рубежом. К этому конфликту мнений и интересов дело только шло.

А пока Серега – тот, что лежит на нижнем ярусе и выказывает вялое недовольство порядками на заводе и в стране, соглашаясь с Кулундой: «Да, на х. Заебали...» – приступает к лечению. С самого утра. Не с утра – спросонья. Утра, как и вечера на заводе нет, есть смены; они идут чередой вне за-

висимости от времени суток – восемь часов через восемь.

Сергея «пшикает» в нос и в горло. Протирает уши спиртом. Точечно обрабатывает лицо бактерицидной мазью. Гло-тает таблетки и капсулы. Сморкается и кашляет. Ему вторят с других кроватей.

Все болеют по кругу, заражаясь один от другого. У всех с собой привезено (и куплено уже здесь с оказией) по большому пакету лекарств, висящих на стене или спрятанных в чемодане. Каждый рассчитывает только на себя. Медсестре не до того: ее задача – измерение температуры. Превентивный удар по коварному ковиду. Термометрия призвана защитить от новой чумы. Кашель, сопли и прочие мелочи в расчет не принимаются. Лишь бы соплюны не пыхали жаром.

От пистолета-градусника, который нужно вскидывать к каждому рабочему, у добродушной медсестры ломит акромиальный сустав. Она недовольна глупой обязанностью. Бесконечной ежедневной вереницей тестируемых. Их простонародными лбами, в поклоне подставляемыми под взлетающую, как бы благословляющую, руку.

– Да когда мне! – Сквозь очередь кричит она возмущенно кому-то в коридор. – Тут этой херней с утра до вечера занимаюсь!

И стреляет в очередной лоб. Склоняется к журналу:

– Номер?

– Четыреста двенадцать.

– Петров? Иоганн?.. Ну, иди, Иоганн! Здоров!.. Хэх!..

(Удивляется).

– А твой? – Это уже следующей работнице. – Четыреста тринадцать?.. Ну, ясно. Движетесь по феншую!

Никто никогда не видел медсестру в общежитии. В комнатах на 8-12 человек. Без окон. С железными кроватями, увешанными понизу простынями-перегородками.

За ними месяцами подобно троглодитам пещерно жили и кашляли рыбообработчики. В запростынном сумраке они акклиматизировались и шли на поправку. Ибо иного им не дано. Бюллетень, уже подвергнутый скептическому упоминанию в истории про распухшие яйца, не мог радовать – 1, 33\$. И с сорока градусами горящего тела, рабочий предпочитал встать к конвейеру. О, да! Он приехал работать. Заработать. Не зная сколько, и из какого расчета. Но всё же...

...

Неопределенность с заработной платой – одна из многих блуждающих по заводу неопределенностей. Чтобы было чего ждать. До последних дней мечтатели перебирают разные цифры. Даже подписав и получив Договор (лишь через две недели с начала работы – из четырех контрактных!), они теряются в догадках.

Договор – это условность. Все это понимают. И те, кто его пишет. И те, кто его должен читать, но не читает за бессмысленностью читки. Мало ли что пишут в таких Договорах? Там, например, сказано, что работа занимает 7 часов 20 минут в сутки при двух выходных в неделю. Мыслимо

это? Что здесь Крым, приплывший вдруг в отеческую гавань? Его жаркие курортные побережья?.. Нет. Здесь напряженный плодотворный труд. Надежда на доход. Не семь часов. Двенадцать. Без выходных. А как?.. Не написано? А зачем? Кому это нужно? Там, например, написано, что зарплата – всего что-то около 30 тысяч: местная минималка – с учетом крайнего положения далеких побережий Охотского моря от Москвы и полагающейся им северной надбавки. Но получают-то все больше! Почти все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.